

Нынешнее межрегиональное совещание молодых литераторов Сибири (Алтайский край, Косихинский район, база учебных практик Алтайского госуниверситета «Озеро Красилов») имело свои отличительные черты. Во-первых, после 1985 года это первое выездное совещание, обычно оно проводилось в краевом центре. Плюсы — возможность участникам и руководителям общаться друг с другом постоянно, не только в рабочее время. Как оказалось (да впрочем, это было известно из прошлого опыта Алтая и более позднего опыта других регионов), этот «плюс» перевесил сумму всех «за» и «против» многократно. Во-вторых, возрастные ограничения (до 35 лет) были отменены. Но, кстати, указанную возрастную границу превысили единицы из обсуждаемых. В-третьих, среди руководителей были два писателя (драматург Дмитрий Рябов и поэт, драматург Кристина Кармалита), работающие в штате старейшего журнала страны «Сибирские огни». В-четвертых, совещание перешагнуло рамки всесибирского: среди поэтов была девушка из Узбекистана, у прозаиков — москвич. В-пятых, совещание проходило в дни памяти Роберта Рождественского,

и не случайно местом встречи молодых литераторов была выбрана его родина. Заключительная часть совещания — участие поэтов-семинаристов и руководителей в празднике в Косихе.

Несколько отзывов участников и руководителей.

Елена ШАГАКО (проза):

— Главное — да, меня ругали. Мои тексты. Но ругали не все руководители, что существенно облегчило мое волнение и мою печаль. Действительно, я почувствовала внутри какой-то стержень, который не дал мне заикнуться на плохом и твердо решить для себя, что я никогда не брошу делать то, что делаю, даже если мне не удастся добиться большого успеха. У каждого этот успех свой. А мои тексты, в конце концов, не такие уж и плохие. Хочу так думать.

Каждый день мы гуляли, разгоняя стайки капустниц из-под ног, грелись на солнышке, пили чай в беседке, смеялись и говорили, говорили, говорили... О литературе, обо всем на свете. Мне было необычайно тепло и радостно на душе.

Да, занятия семинара отличались высокой плотностью. Среди нас, прозаиков, было несколько поэтов, которые, как наши «засланцы», разведывали обстановку у своих коллег и приносили к нам в павильон у озера мнения, что у нас круче. Впрочем, поэты так долго засиживались на своих разборах, что даже забывали пойти покушать. Я им завидовала, ибо это все создавало сильное впечатление.

Кстати, о поэтах. Отличные люди эти поэты.

А мы, прозаики, занимались любимым своим занятием — много обсуждали, разбирали, предполагали, ругали и хвалили друг друга. По итогам семинара Валерий Копнинов и Наталья Ревкова получили рекомендации на вступление в Союз писателей России, а Надя Володина — на участие в семинаре в Москве. Гип-гип-ура!

Ночью в Красилово мы тоже не спали. Думаете, у литераторов жизнь приостанавливается с заходом солнца? Не. Поэты читали стихи, прозаики слонялись по лагерю. Мы вели бесконечный разговор обо всем сразу у себя в домике (бедные наши соседки сверху, как вы только там спали?). Баня была классная, купание ночью в озере — еще круче (Саша, Миша и Маша, вы вообще космос), а душ был круглосуточным.

В общем, не следуя я заветам Анатолия Владимировича и описываю свои впечатления исключительно «гастрономически». Но всю свою внутреннюю поэзию и творчество я предпочту выразить новыми текстами. А в Красилово было просто офигенно!

Анатолий Владимирович — автор этих строк, и да, я, действительно, посоветовал своим семинаристам избегать при обсуждении рукописей «гастрономических» терминов: нравится — не нравится. Или, по крайней мере, обосновывать их применение.

Татьяна НАБАТНИКОВА,
прозаик, переводчик (руководитель, Москва):

— Несколько июньских дней, полных счастья, утренней росы и литературных разговоров, я провела на учебной базе Алтайского университета в семидесяти километрах от Барнаула на озере Красилово.

Жестокий (но благодатный) опытом литературного семинара была полная отрезанность от всемирной сети интернет и от торговой сети по продаже алкоголя. Даже мой МТС-мобильник был полностью мертв, а до ближайшего сельпо было 10 км.

Наши семинаристы, оторвавшись от своих гаджетов, играли в волейбол!.. Скажи кому — не поверят! Смешанными командами мужчин и женщин.

(С официального сайта Администрации Алтайского края.)

Дмитрий РЯБОВ (руководитель, Новосибирск):

— На мой взгляд, семинар был действительно профессиональным: мы старались объяснить, почему нравится или не нравится то произведение, которое мы обсуждаем. Результаты хорошие: нескольких участников мы рекомендовали на Всероссийское совещание молодых литераторов в Химках-2020, на региональное совещание сибирских авторов, которое журнал «Сибирские огни» проведет в августе в Новопичугово. Двух авторов рекомендовали к приему в Союз писателей России. Я считаю, что результаты секции прозы можно назвать очень хороши-

ми. Работы, как всегда, были разные, но представили и крепкие работы, народ активно участвовал в обсуждении. Журнал «Сибирские огни» постоянно проводит акцию «Литературный десант», представители его редколлегии много ездят по Новосибирской области и соседним регионам. В Барнауле мы были буквально в середине мая, до этого побывали в селе Сибирские Огни близ Павловска. А сейчас обдумываем планы дальнейшей работы, может быть, в следующем году попробуем приехать именно сюда, в Косиху. Конечно, это нужно обсуждать и с принимающей стороной. Уверен, что такие поездки остро необходимы, потому что 90-е годы разорвали литературное пространство Сибири, а мы стараемся восстановить разорванные связи. Журналы «Алтай», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса» хорошо бы связать так же, как это было прежде.

Кристина КАРМАЛИТА (руководитель, Новосибирск):

— Мы занимались дольше всех, нас хозяева не могли дозваться на обед и чуть ли не прогоняли из помещения вечером — мы работали. Так получалось, потому что чрезвычайно дотошно работали с текстами, разбирали их очень подробно, а это требует времени. Думаю, что участники семинара таким отношением к их текстам были только довольны. Мы убедились, что на Алтае сейчас подрастает много интересных молодых поэтов. Руководитель Алтайской краевой писательской организации Анатолий Кирилин входит в состав редколлегии журнала «Сибирские огни», именно он нас позвал сюда. Надеемся, что наша дружба продолжится и мы и дальше с удовольствием будем бывать у соседей. В августе литераторы из Алтайского края вместе с Анатолием Кирилиным приедут к нам на совещание в Новопичугово, и мы с удовольствием будем приезжать на Алтай.

Андрей РАСТОРГУЕВ (руководитель, Екатеринбург):

— Все было здорово. Я бывал на подобных встречах литераторов в разных регионах России, поэтому семинар молодых литераторов в Алтайском крае я рассматриваю как часть общей работы, которая продолжается в стране. Довелось бывать в Петрозаводске и Омске — в городах, где жил Роберт Рождествен-

ский. В Косиху, в село, в котором родился поэт, я приехал впервые. То, как много посетителей в Мемориальном музее Роберта Рождественского на его малой родине, то, что тысячи жителей и гостей региона приехали в Косиху, подтверждает, что имя поэта и его слово по-прежнему необходимы людям. Это здорово, и в эту работу прекрасно вписываются и массовые праздники, дающие людям возможность слышать поэтическое слово, и встречи в библиотеках, и много другое. Надеюсь, что у нас еще будут возможности подобных встреч, хотелось бы, чтобы они проходили и на земле Алтая. Целенаправленная работа по поддержке молодых литераторов, которую ведут в Алтайском крае, заслуживает всяческой поддержки и развития.

Не буду надолго останавливаться на анализе отдельных текстов участников совещания. Выскажу свои замечания о некоторых общих тенденциях нынешней молодой (и не очень молодой) прозы. И сразу же забегу вперед. Наибольший интерес, понимание и признание вызвали произведения реалистической прозы, хотя по объему фантастических повестей и сказок было представлено гораздо больше. И здесь я приведу строчки Владимира Куницына из его статьи «Виртуальный реализм».

«Поскольку литература в России изначально была повенчана с общественной, реальной действительностью, перемены последних десятилетий коснулись ее напрямую. И неудивительно, что вслед за политическим переворотом была совершена попытка и эстетического переворота. Разумеется, той частью творческой интеллигенции, которая приняла политический переворот как свою победу... Главную идею этого эстетического переворота можно свести к следующему: литература — не учитель жизни, не общественное дело, не пророческая миссия, не идеология и самосознание нации, не ратник в извечном противостоянии добра злу, а только искусство и текст... И авангард, и модернизм, и постмодернизм, и иже с ними, осознанно или стихийно, но, в общем-то, движутся в одном направлении — размыть, перепутать, смешать и уничтожить границы, разделяющие добро и зло».

Итак, о добре и зле. Рассказ Анастасии Шинаковой «Ритуал». Письмо Анастасии отличает умение строить сюжет, вести читате-

ля за собой. Местами повествование даже захватывает. Ритуальное убийство... Нет в литературе запретных тем, нет ограничений на выбор героев и поступков. Есть мера ответственности за то, что ты предлагаешь читателю. Вообще-то традиционно наша отечественная литература имеет гуманистическую направленность. И здесь Анастасия вроде бы верна этому принципу. Ритуальные убийства в племени совершаются для того, чтобы хоть на миг хотя бы в мимолетных картинках увидеть иную жизнь, отличную от их безрадостного, серого, голодного существования. Увы, нет у них иной возможности взглянуть на эту другую жизнь, протекающую в других мирах, — только через убийство соплеменника. Задача непростая — показать через убийство стремление к свету, к человеколюбию. Но вот исполнение... «Каждому был дан кусочек от тела жертвы. Жрецам — глаза, уши и нос. Вождь племени и все его приближенные смогли полакомиться мозгом. Жена, дети вождя — сердцем. А остальным уж как повезло: кому кусочек мяса, кому желудок, кому печень, а кому и потроха могли достаться. Нэргую (гл. герой — А. К.) достался палец». Речь идет о приготовлении и поедании тетушки главного героя. Вы меня извините, но фантастическое изложение и изображение не отменят отличие человека от животного.

Маленький рассказ Никиты Таранина, самого молодого участника совещания, называется «Мороженое из дальнего космоса». Как вы поняли, история опять фантастическая. Вещица забавная, в ней присутствует мысль. И мысль довольно интересная. Постцивилизация, когда разумные существа из иных Вселенных пресытились плодами прогресса. В какой-то момент все, замечательно окружающее их, потеряло смысл и интерес. Осталось мороженое, то есть продукт, приносящий наслаждение, раздражающий вкусовые рецепторы. Его пришельцы берегут как последнее достояние своей цивилизации, с ним и прибыли на Землю. Автор как бы предупреждает землян, своих соплеменников: нас может постигнуть та же участь, если... Ну, а что «если» — нетрудно догадаться. Читатель вправе домысливать, автор вправе предоставить ему эту возможность. Вот надоест вам всемогущество вашей технократической эпохи — что будете делать? Тоже искать иные миры? И что понесете им — бомбу или мороженое?

Тема добра и зла так или иначе присутствует почти у всех авторов. Однако неудачи в раскрытии назначенной авторами коллизии связаны не с попытками сместить восприятие, сознание читателя в сторону зла, а, скорее, с отсутствием или невыразительным наличием доказательств силы добра. И это имеет прямое отношение к литературному мастерству, его задаткам или отсутствию.

Для меня реальный мир вокруг нас куда фантастичней всех самых замысловатых игр разума. Обобщение или неразличимость? Мне не дает покоя этот вопрос, когда за обилием терминов и далеких от реальности сюжетных коллизий я не могу увидеть портрет героя или героини. Если это непреложное правило фантастики, то мое место в стороне. Любовная история, которая заявлена Натальей Ревковой в предисловии к рассказу, выглядит таким пластмассовым творением. Хотим мы того или нет, наш внутренний редактор, цензор, оценщик — назовите его как хотите — всегда переводит читаемую фантастику на рельсы реального восприятия. Мы все-таки живем в реальном мире. Писать Наталья Ревкова может, это бесспорно. Жанровое разнообразие редко кому удается, особенно если разом пытаться охватить бытовой очерк, фантастический рассказ и переосмысление классической русской сказки на современный мотив (все это представлено автором для обсуждения). С другой стороны, даже если автору удастся найти идею, достойную воплощения, он легко может разрушить благой план избытком языкового инструментария. В трех рассказах Натальи Ревковой попытки создания атмосферы места, времени и, далее, развития характеров персонажей сталкиваются с тотально неуместным переусложнением формы.

Можно строить дом с высокой степенью архитектурной насыщенности: там будут и эркеры, и пилястры, и арки, и лепнина. Но строители возьмут и забудут проложить водопровод, а сантехники не сделают нужного уклона труб, и человеческие отходы пойдут в квартиру...

Обобщение — признак большого мастерства при условии, если оно сильнее частного примера. Вряд ли кто превзошел силой обобщения Кафку с его «Процессом», «Превращением». Но ведь там опыт множества слит в картины общего, в характеры общего.

У большинства молодых авторов этого нет, взамен художественного обобщения — общие слова и фразы.

Еще одно искусственное построение — рассказы Надежды Мицкевичуте. Загадка, которую автор загадал и даже не попытался найти разгадку. Предоставил это сделать читателю? Ну, это слишком бесперспективно — взваливать такую ношу на него. Станет он с вами возиться! Здесь очень много неправды. Ни с того ни с сего уходит любящая мама, оставляя сына (совсем еще малыша) на погибель. Кому он нужен в этом мире? Как он выживает, оставшись один? Мы не видим ничего ни за страданиями матери, ни за взрывами ее веселья, нам не дают материала для чувствования, для познания. Как без этого? Все как-то мимо, неточно. Впрочем, надо за что-то и отметить автора. Мне понравилась цепочка: ожидание у дороги, у крыльца, у окна и, соответственно, таяние веры, надежды, даже памяти. Хороший образ.

Приготовление кофе к самому повествованию отношения не имеет. То, что героиня готовит кофе на работе, не есть оправдание названия. Так, шалость, как и многое из того, что делает автор.

Знаете, чтение представленных работ — это ведь своего рода школа. Школа узнавания, познания, постижения... Я вот, например, читая рассказы Надежды, вынес для себя, что человек она способный, начитанный, образованный, что багажа знаний и даже в некоторой степени умений ей хватает для того, чтобы писать прозу. Я не говорю о словесных выкрутасах, о языковых забавах, что, кстати, тоже показывает умение владеть языком. Главное, инструмент использован не совсем по назначению. Поменяйте предмет приложения: стиль, когда читаешь и чувствуешь себя, словно в переполненной московской подземке, будто продираешься сквозь толпу с помощью локтей и проклятий. Уйдите от преобладания анатомически-физиологических описаний, когда пишете о состоянии героев. Буковки, за которыми многоточия подразумевают мат, сами маты в иноземном выражении... Дерзкие и бесполезные игрушки... Вы ведь многое можете! Обернитесь к жизни, к ее простоте и неповторимости. И перестаньте бояться себя.

Первое, что приходит в голову после прочтения рассказа Майи Ларионовой (как выяснилось позднее, это отрывок

из романа) — приблизительность. Какие-то бактерии, какая-то невнятная среда обитания, плохо различимые герои. Все время приходится напрягаться, чтобы уложить в голове: вот это отец, это сын, это кто-то из окружения. Неоправданно много уделено времени на описание детских впечатлений и забав. Наверно, оттого самым запоминающимся эпизодом становится то, как ребенок сосет кубик. Вскользь об отделенности героев от мира, об ограничении кислорода. Опять все приблизительно, на веру. Скажите, зачем мне, читателю, напрягаться, выискивать зашифрованные автором смыслы? Автор вполне владеет словом, но зачем это умение использовать для того, чтобы максимально затуманить повествование? Более того, из текста можно подумать, что автор по образованию и, возможно, по специальности биолог. Тема в руках — разрабатывайте сюжет. Все происходящее в повествовании как бы проходит впустую, не играет на тему. Да и тема-то, повторяюсь, затемнена.

Научная фантастика — литературное направление, которое сочетает футуризм и визионерство с вольным изложением специализированной информации. Лучшая научная фантастика основана на правдивых исследованиях, с предельным погружением автора, нередко практикующего специалиста, в трактуемый им материал. Хорошая фантастика должна, как минимум, выглядеть правдоподобно. И плохая фантастика — текст, который превращает наукоемкое и полное специальных терминов описание в поверхностный диалог блеклых персонажей, мешающий пониманию сути происходящего.

Главные герои, в именах которых начинаешь путаться где-то к четвертой главе, занимаются совершенно унылой рутинной — разрешают милые семейные конфликты, починяют автомобиль и поедают чечевичный суп, описание которого является одним из самых заметных моментов произведения. Редкие отвлечения на рассуждения о гибели мира и заточении в бетонных тюрьмах завершаются опять же соскальзыванием в отношенческую рутину о том, каково это — состариться вместе.

На протяжении всего рассказа главный герой, идентифицировать которого все так же не удастся, собирается в мифический десятый сектор за лекарствами. Эпизоды, в которых

встречаются микроскопические фракталы антиутопии и фантастики, перемежаются огромными семейными сценами, несущими слабую повествовательную нагрузку. Майя Ларионова вновь и вновь проваливается в бесконечную рефлексивную равнину дамских книг в мягкой обложке, через которую не сможет пробиться заявленный в первом абзаце страх гибели цивилизации. В итоге за все 15 страниц текста в рассказе попросту ничего не происходит. Хочется пожелать автору написать прекрасный семейный роман и не пытаться претендовать на футуристичные концепции, ибо по факту мы наблюдаем типичную историю о том, как люди скучают у семейного очага зимой, изредка задумываясь о невзгодах внешнего мира, но всегда возвращаясь к подгузникам, супчику и столярным работам в гараже.

Валерий Копнинов проходит по излюбленному многими пути, однако в его истории низкий стиль соседствует не с нагнетением бытового ужаса, а с высокой материей. Нечистый, вылезший из заводской трубы, да ангел с припрятанным томиком Достоевского взирают на простенькое и складное переосмысление гоголевского сюжета.

Язык вполне приемлем, однако автору решительно не хватает глубины при резком переходе с проблем мирских и тленных к полю боя за душу человека. Лубочные герои не передают атмосферу упадка — больше это похоже на разудалый студенческий капустник, где, проснувшись, попиваешь брагу из ковша, а все картинные разногласия участников злоупотребления контролируются фразами-триггерами. Более того, мы помним, как Бог и дьявол воевали в душе того самого Веночки, распивающего «Слезу комсомолки» в вагоне поезда: героям Копнинова, увы, подобный уровень рефлексии недоступен.

Говоря о сражении адептов тьмы и света, автор совершенно упустил явление катарсиса, раскаяния, обращения к молитве — даже узрев ангела, Лидуха, пусть и подвыпившая, оперативно идентифицирует его как мимолетный морок. Вся улица Гоголя, на которой проживают небогатые семьи, напоминает игрушечный городок: что Зубчуки, что Подползины распределены по карте как «пьющая семья, два экземпляра». Герои

произведения — просто марионетки, попавшие в руки к двум опереточным, совсем не библейским сущностям, будто бы взятым из любительской постановки. При встрече ангел с чертом ведут до ужаса дежурные разговоры.

Не менее примитивны приемы с набившей оскомину шуткой про толерантность и цитированием советской хохмы про Кафку, из произведений которого автор берет лишь бесконечный цикл ужасного быта главных героев, однако же, довольных элементарными вещами — апельсинами, выпивкой, заботливо принесенными костями для пса. «Прошлогодний снег» заканчивается кошмарной сценой поножовщины, которую уютно-прощающий снегопад никак не закроет.

Участие в сюжете и черта, и ангела мне показалось какой-то нашлепкой, хотите изящнее — инкрустацией, украшением. И действительно, уберите их — и сюжет станет до скуки банальным, тертым-перетертым. Однако беда в том, что черти с ангелами не спасают, потому что их детские забавы по сравнению с дьявольским и ангельским в людях — пустяк. В «Мастере и Маргарите» у Булгакова самый главный и самый страшный дьявол — общество. Воланд — князь тьмы — по сравнению с ним мелкий хулиган и фрондер. Прибыв на инспекцию в Москву 30-х годов, он в растерянности, ему нечего делать, негде творить свое исконное зло. Все уже сделано до него, ему остается подбирать крохи. Так что... если уж помещать в текст, отображающий реальность, дьяволов и ангелов, наверно, стоит делать это как-то изобретательней. К примеру, у того же Булгакова Сатану можно воспринимать и как ревизора от Бога, он — объективно — исполнитель его воли. Ведь это он удовлетворяет просьбу Левия Матвея — от имени Бога — устроить судьбу Мастера в новой жизни. Воланд творит добро, но он, собственно, не очень-то рвется делать зло. Эту его задачу в романе рассмотреть невозможно, ее попросту нет.

Тема уже окончательного отсутствия человека продолжается в очерке «За горами, за лесами...». Кстати, многоточия, ставшие любимым орудием Копнинова, здесь идут просто автоматными очередями, подчеркивая чрезмерный пафос высказываний о Боге, доме и семье. Очерк о старом, заброшенном доме несет

в себе болезненные рассуждения о покинутых деревнях, высокопарные фразы будто бы звучат в укор жителю современного города. На деле же весь очерк, если отодвинуть в сторону понятную каждому русскому человеку, выросшему в деревне, атрибутику, вместится в одну-единственную фразу из переданной электронным генератором речи великого ученого Стивена Хокинга: «Планета Земля прошла точку невозврата». Пора бы литераторам заканчивать пафосно переживать об утраченном, а начать вкладывать в голову читателя мысль о том, что можно успеть приобрести за свой короткий век.

Юлия Степ в статье «Искусство как декаданс-менеджмент» пишет: «Реальность выступает раздражителем: абсурдно полагать, что тот, кто творит, ее искажает, а не она искажает того, кто творит...» Возможно, обозревая историю отечественной литературы, возразить здесь особенно нечего, однако имеет смысл подумать о сопротивляемости того самого — «кто творит». Если вернуться к началу нашего разговора о родстве литературы и действительности, то следует привести слова того же Владимира Куницына: «Наступило холодное времечко купли и продажи. И надолго забудут тех, кто не умеет, не желает, не может торговать самым сокровенным... Одно дело, когда прежней официальной эстетической системе и идеологическому пуританизму не без веселого и гордого надрыва плюет в лицо незабвенный Венедикт Ерофеев своими «Москва — Петушки», плюет и противостоит осознанно, грубо говоря — харкая собственной кровью и судьбой, а совсем другое дело, если, казалось бы, за то же берется с колыбели обласканный, рафинированно и сладко подгнивший в космополитических «памперсах» Виктор Ерофеев, в этом смысле даже не однофамилец стореvшему Венечке».

Не мог в среде нового поколения литераторов не зайти разговор об упавшей популярности книги, художественного слова, об успешности-неуспешности нынешнего писателя, о соревновании бумаги и электроники. Иногда я замечал, что особое внимание слушателей вызывали сообщения о том, где, как размещать свои произведения, каким образом оформить отношения с Интернетом и читателем, чтобы за написанное получать деньги.

И это внимание по остроте превосходило накал и заинтересованность при обсуждении художественных задач авторов.

Максим Кантор, писатель и художник, рассуждая о времени перехода искусства к рынку, пишет: «Подход к искусству был такой же, как в нефтяной отрасли: брали дешевую природную энергию, монополизировали добычу, повышали спрос, загоняли по спекулятивным ценам. Этой дешевой энергией стало пресловутое «самовыражение», не обремененное ни знаниями, ни умениями, ни старанием. То, что однажды было предложено авангардом в качестве протеста против коммерциализации искусства, было цивилизацией присвоено и использовано для наживы. Удобство данной энергии в том, что она исключительно легко добывается — практически из любого персонажа, объявленного художником».

На мой взгляд, вот этой опасности — стать «объявленным» художником — молодые авторы не видят, даже не предполагают. Что ж, у молодости есть немаловажное достоинство — время. Оно может многое изменить, только надо помнить, с какой невероятной скоростью оно тает.